

УДК 340.15

ВОСТРИКОВ Павел Петрович – к.ю.н., заведующий кафедрой теории государства и права и сравнительного правоведения Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 46; pavel_урр@mail.ru)

КОРОЛЕВ Борис Иванович – к.и.н., доцент кафедры теории государства и права и сравнительного правоведения Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 46; korolev-boris@yandex.ru)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В XI–XVII вв.

Аннотация. В статье рассматривается борьба властных органов с преступностью на разных исторических этапах развития отечественного государства и права. Необходимость борьбы с преступностью привела к созданию государственных розыскных органов. На начальном этапе генезиса государственной власти сложилась обвинительно-состязательная форма судебного разбирательства, для которой был характерен принцип презумпции виновности, отсутствие специальных судебных и розыскных органов, смешение административных и судебных функций, что характерно для слабо централизованного государства. В связи с усилением царской власти обвинительно-состязательный процесс дополнился новой формой – инквизиционной, или «розыском». Сущность «розыска» заключалась в проведении сыска преступников государственными органами, когда установление места нахождения преступника, сбор доказательств поручались должностным лицам, представителям административных, судебных органов, которые несли ответственность за свои действия. Авторы характеризуют правовые основания осуществления государственной политики борьбы с преступностью, особенности правового статуса должностных лиц и органов – участников данного процесса.

Ключевые слова: суд, розыск, следствие, преступник, государственный орган, судебный процесс, доказательство

Совершенствование государственной политики борьбы с преступностью в современной России актуально не менее, чем в прошлом. Развитие общественных отношений, формирование крепостнических отношений, усиление социальной и имущественной дифференциации разных слоев населения влекли за собой рост преступности как выражение недовольства населения государственной социальной политикой. Необходимость борьбы с преступностью привела к созданию государственных розыскных органов, которые боролись с «душегубами» и «лихими людьми» (убийцами, разбойниками, рецидивистами).

На догосударственном уровне развития восточных славян разбирательством конфликтов занимались представители общины (верви), стремившиеся примирить стороны [Беляев 1999: 68].

На начальном этапе генезиса государственной власти сложилась обвинительно-состязательная, или «тяжебная» форма судебного разбирательства, для которой был характерен принцип презумпции виновности. Отсутствие специальных судебных и розыскных органов, смешение административных и судебных функций – важные особенности данного вида процесса, характерные для слабо централизованного государства. Кроме общины, административные, розыскные, судебные функции осуществляли князь, бояре, дружинники, наместники и волостели. Княжьи мужи – тиуны, огнищане, ключники полномочия по осуществлению суда и расправы получали от князя [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 17]. В

Русской Правде упоминались «вирники», проводившие поиск преступников, суд над ними; «мечник» собирал «продажу» — штраф с преступника в пользу князя. Представитель князя, «емец», осуществлял функции поимки преступников, мог арестовать виновного или подозреваемого в совершении преступления [Власов, Гончаров 1997: 8-11]. Впоследствии его стали именовать «доводчиком». Он производил судебное следствие, арест преступников, содержал их под стражей, проводил допросы, в т.ч. под пыткой.

По Русской Правде одна из стадий процесса расследования — поиск виновного и суд над ним — именовалась «гонением следа». По ст. 77 Пространной Правды — это розыск преступника, который не был пойман на месте преступления. Если след приводил к какой-либо соседской общине, то члены этой общины обязаны были найти виновного и выдать его. Если члены общины не находили преступника, отказывались от поиска или выдачи его, считалось, что преступник находится именно в этой общине и она обязана возместить ущерб. Община могла «отсочить след», т.е. отвести обвинение в преступлении, выдвинутое на основании следа или других улик. Разница состояла в том, что «гонит след» сам потерпевший с представителями общины, а «сочит» — постороннее лицо. В таком случае именно постороннее лицо (представитель князя) занималось розыском преступников и похищенного [Амплеева 2006: 160].

В последующих источниках в связи с усилением царской власти, усложнением общественной жизни обвинительно-состязательный процесс («суд») дополнился новой формой — инквизиционной (следственной), или «розыском». «Суд» начинался с подачи «челобитной», иска, осуществлялся по гражданским и мелким уголовным делам. «Розыск» осуществлялся по тяжким уголовным преступлениям, по делам «лихих людей». Сущность «розыска» заключалась в проведении сыска «лихих людей» государственными органами, когда установление местонахождения преступника, сбор доказательств поручалось должностным лицам, представителям административно-судебных органов, которые несли ответственность за свои действия. Они стремились с помощью прямого принуждения, применения пытки вырвать у подсудимого признание и заставить раскрыть соучастников. Термин «розыск», кроме формы процесса, обозначал процессуальные действия, направленные на установление истины и расследование обстоятельств дел.

В настоящее время сыск — выслеживание и розыск преступников, а розыск — деятельность специальных органов по установлению местонахождения уклоняющихся от суда обвиняемых, осужденных лиц, а также лиц, пропавших без вести¹.

Впервые термин «розыск» был употреблен еще в договоре с Византией 911 г.: «если и купцы потеряют челядина и заявят об этом, то пусть производят розыск и, найдя его, заберут...» [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 82]. В дальнейшем розыскные действия закрепляются законодательно. Так, в Псковской судной грамоте 1467 г. обнаруживаются розыскные начала: требование обязательного участия представителя власти в расследовании дел о кражах.

Функции розыска «лихих людей», совершавших тяжкие преступления, были возложены на недельщиков как государственных должностных лиц. Первое упоминание о недельщиках относится к 1467 г. По статьям 28–38 Судебника 1497 г. они с доводчиками и праветчиками осуществляли следственные и розыскные мероприятия, исполняли судебные решения². Недельщики сменялись по неделям, поэтому получили такое название. За розыск, сбор всех доказательств и

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. — М.: Литературное обозрение. 1997. С. 683, 785.

² *Хрестоматия по истории государства и права России*: учебное пособие (сост. Ю.П. Титов). М.: ТК «Велби», Проспект. 2005. С. 36–38.

успешное расследование дела недельщик получал вознаграждение. Недельщику запрещалось брать вознаграждение за поручительство, брать взятки, посылать вместо себя других лиц, отпускать арестованных воров, отдавать их на поруки, арестовывать посторонних лиц, осуществлять волокиту. Требования к недельщикам сохранились и в дальнейшем. Так, в ст. 53 Судебника 1550 г. говорится: «А пошлют котораго недельщика имати татей или разбойников, и ему имати татей и разбойников бесхитростно, а не норовите ему никому» [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 162–192]. В статьях 144–148 в главе X «О суде» Соборного уложения 1649 г. сохранились аналогичные нормы, связанные с требованиями к недельщикам относительно осуществления следственно-розыскных действий, предполагались гарантии их безопасности при выполнении обязанностей¹.

На рубеже XV – XVI вв. возникли первые розыскные органы, «особые обыщики», которые боролись с разбоями и «татами». Однако обыщики приносили мало пользы, злоупотребляя властью. Именно поэтому Иван IV Грозный учредил постоянный розыскной орган из числа местных выборных людей – губных старост (их деятельность регламентировалась Белозерской, Каргопольской губными грамотами 23 октября 1539 г., многочисленными грамотами 1540–1680 гг., разрешавшими местным жителям самим судить, разыскивать и казнить преступников). «Губа» – округ, вмещавший в себя город и уезд, находившийся в ведении одного или нескольких должностных лиц. Название происходило от глагола «губить», т.е. подавлять «лихих людей» (разбойников, рецидивистов). Дела по «лихим людям» передавались губным избам, губным станам и Разбойному приказу, учрежденному в 1539 г.

Губные учреждения включали в себя избранных из числа «детей боярских» и «лучших крестьян» старост и целовальников, призванных ловить разбойников, вести следствие, приводить в исполнение приговоры. Позже избы пополнялись дьяками, сотскими и пятидесятскими. При губных старостах состояли и недельщики. Губные старосты избирались и действовали на основании положений о губных старостах, а затем Уставной книги Разбойного приказа. Первая книга сложилась в 1555–1556 гг. (вторая – в 1616–1617 гг.) из постановлений, указов и приговоров, направленных на борьбу с «лихими людьми» и их соучастниками. Юрисдикция Разбойного приказа с 1539 г. распространялась на всю территорию страны, кроме Москвы. В столице розыск осуществлял Земский приказ, возглавляемый земским дьяком (известен с 1500 г.). В 1619 г. наряду с Разбойным был создан Сыскной приказ. Контроль за их деятельностью осуществляли Боярская дума и сам царь.

Розыск уже по Судебникам начинался по инициативе органа власти, свидетельству бояр или «добрых людей», доносу, «язычной молвке», анонимным сообщениям или «подметным письмам» с «извета», т.е. с подачи заявления о совершенном или готовящемся преступлении, в котором обязательно указывалось имя заявителя. Возбуждение дела оформлялось «заявной» грамотой, где содержался приказ о задержании и доставлении обвиняемого в суд, если его местопребывание было известно. В противном случае выдавалась «погонная грамота» с приказом местным властям провести розыск и задержание. Проведение этих следственных мероприятий возлагалось на губные, земские избы и старост. За их неисполнение губной староста нес ответственность [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 194]. Институт губных старост положительно зарекомендовал себя в борьбе с преступностью, все уголовные дела и розыск посадских людей и крестьян перешли в их ведение.

Дела бояр и дворян не относились к компетенции данных органов. Признание

¹ Там же. С. 71.

подозреваемого «ведомо лихим человеком» обозначало особую опасность совершенного им преступления, а также личности самого виновного. «Лихими» признавались лица, совершившие тяжкие уголовные преступления [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 137-138].

Одним из важных видов доказательства вины преступника при проведении розыска выступал «повальный обыск»: «языка», свидетеля, если ему неизвестны имена людей, на которых он доносил, проводили по улицам, чтобы он мог показать на лиц, совершивших преступление, и место преступления. Результаты «повального обыска» были основанием применения следственной формы процесса: «А назовут его в обыску лихим человеком, — тогда его по обыску пытаться» [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 194]. Пытка проводилась для получения признательных показаний самого преступника, поиска соучастников и поличного. На основании собственного признания виновному выносился приговор, если обвиняемый молчал, то пытка повторялась. Если он выдерживал и не сознавался, то его заключали в тюрьму до выяснения обстоятельств. Свои показания обвиняемый должен был подтвердить на очной ставке [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 160].

Новым государственным сыскным органом XVII в. стал институт сыщиков. Сыщики появились, когда разбойники стали причинять ощутимый ущерб имуществу дворянства как служилого сословия, поэтому государство взяло на себя функцию борьбы с разбоями. Впервые сыщик упоминается в Соборном уложении 1649 г., при этом «сыщик» и «обыщик» употреблялись как синонимы. В дальнейшем должности сыщиков становятся постоянными в губных учреждениях. Сыщик в рамках инквизиционного процесса занимался контролем процесса сбора доказательств, свидетельских показаний посредством повального обыска. Предполагалась ответственность сыщиков («от государя быти в великой опале и в казне») за злоупотребления служебным положением («учнут сыскивати не по правде для своей корысти», «недругу мстити»)¹.

В «Новоуказанных статьях о татевных, разбойных и убийственных делах» 22 января 1669 г. впервые введены специальные должности сыщиков с целью расследования и суда по уголовным делам. Назначались они из дворян и боярских детей, имели статус чиновников. Сыщики возглавили розыск преступников, а воеводы от этих дел были отстранены; сыщики имели свой аппарат из губных дьячков, стрельцов, наемной стражи для тюрем, а вооруженную силу получали от воевод. Для задержания выявленных преступников сыщики посылали губных старост, а сами задерживали особо опасных преступников. В городах, уездах и волостях для оказания помощи в борьбе с преступностью проводились выборы сотских, пятидесятских и десятских из числа добрых и прожиточных людей. Задача последних — чтобы «тятей и разбойников и смертных убийц и всяких воровских людей и ведунов у себя не таили, и не укрывали, а брали и приводили тех воров к Сыщикам безо всякой сноровки» [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 327, 494, 515-516].

Юридически институт сыщиков был оформлен как постоянно действующий «Наказом сыщикам беглых крестьян и холопов» от 2 марта 1683 г. В обязанность сыщикам вменялись две функции: заниматься розыском беглых крестьян и проводить расследование общеуголовных преступлений. Объединение данных функций было не случайным, т.к. побег крестьян нередко сопровождался нанесением ущерба имуществу господ. Беглые являлись питательной средой для воров и грабителей. По указам 1679 г. и 1688 г. все дела в уездах были переданы от

¹ Там же. С. 73-74.

сыщиков воеводам; Разбойный и Сыскной приказ объединили, переименовав в приказ Сыскных дел.

Из памятников русского права видно, что необходимость борьбы с преступностью привела к созданию государственных розыскных органов, которые боролись с разбойниками, рецидивистами, расследуя преступления, разыскивая, задерживая преступников. Развитие розыскной формы судебного процесса обеспечило проведение данных процедур.

Список литературы

Амплеева Т.Ю. 2006. *По Закону Русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси*. М.: Изд-во МИИТ. 228 с.

Беляев И.Д. 1999. *История русского законодательства*. СПб: Лань. 639 с.

Власов В.И., Гончаров Н.Ф. 1997. *Организация розыска преступников в России в IX–XX вв. (Историко-правовое исследование)*. В 2 ч. Домодедово: РИПК работников МВД России. Ч. 1. 145 с.

Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. 2003. *Судебная власть в России. История. Документы*. В 6 т. Т. 1: *Начала формирования судебной власти*. М.: Мысль. 701 с.

VOSTRIKOV Pavel Petrovich, Cand. Sci. (Legal), Associate Professor; Head of the Chair of State and Law and Comparative Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46 Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603009; pavel_vpp@mail.ru.)

KOROLEV Boris Ivanovich, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of State and Law and Comparative Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46, Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603009; korolev-boris@yandex.ru)

ORGANIZATIONAL FORMS OF REALIZATION OF THE NATIONAL CRIME FIGHTING POLICY IN THE 11TH – 17TH CENTURIES

Abstract. The article deals with the fight of power against crime at different historical stages of Russian state. The need to fight against crime led to the creation of state investigative bodies. At the initial stage of the genesis of the state power accusatory-adversarial forms of trial were formed, with the principle of presumption of guilt, lack of special judicial and investigative bodies, and a mixture of administrative and judicial functions, which were typical for a weakly centralized state. In the process of strengthening of royal power accusatory, adversarial process was complemented by the inquisition, or «tracing». The essence of «tracing» was to conduct criminal investigation by state authorities. The authors characterize the legal basis of the state policy to combat crime, especially the legal status of officials and bodies involved in the process.

Keywords: court, tracing, investigation, criminal, public agency, trial, evidence
